

СМОГУТ ЛИ США ИЗМЕНИТЬ МИР?

ПОЛИТИКА США В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.

Отв. ред. П.Т. Подлесный. М., «Наука», 2004, 333 с.

Удается ли Соединенным Штатам изменять мир по собственному усмотрению в первом десятилетии XXI века или эволюционирующий помимо воли американцев мир сегодня все более ограничивает свободу действий единственной сверхдержавы, которой скоро придется признать непреодолимую силу обстоятельств? Этот вопрос - лейтмотив новой книги, выпущенной группой ведущих специалистов по американской внешней политике из Института США и Канады РАН.

Их коллективный труд особенно примечателен тем, что в нем, как в зеркале отразились точки соприкосновения и несогласия среди исследователей, долгое время работающих бок о бок в одном из наиболее авторитетных российских центров изучения Северной Америки. У внимательного читателя появляются веские основания предположить, что это сделано осознанно. Дискуссия между авторами монографии по наиболее важным вопросам политики США на мировой арене в начале 2000-х годов - от концептуальных трактовок американской «большой стратегии» до целей администрации США на отдельных региональных направлениях внешней политики — несомненное достоинство книги. И этот подход принес свои плоды: не ограниченный жестко заданной структурой и тем более «идеологическими» рамками анализа, каждый автор выразил собственное, основанное на «многолетнем» исследовательском опыте, видение большинства актуальных проблем. Тем самым был обогащен спектр интерпретаций и оценок американской внешней политики на рубеже веков.

Первое о чем конструктивно полемизируют авторы - вопрос о структуре и движущих силах современного миропорядка. Две различные точки зрения здесь представляют доктор исторических наук, профессор В.А. Кременюк и доктор политических наук, профессор А.Д. Богатуров. В соответствии с первым подходом, центральная характеристика современного миропорядка - противоречие между, относительно благополучным Севером и униженным в своей бедности Югом. Именно этот раскол, по мнению В.А. Кременюка порождает глобальные вызовы устойчивому мировому развитию и безопасности. Усиление международного терроризма и радикализация этнорелигиозных движений происходят во многом вследствие неудовлетворенности Юга своим положением, ужас которого беднейшие страны начинают в полной мере осознавать в результате ускорившегося распространения средств массовой коммуникации. Негативную роль зачастую играет и близорукая политика развитых государств, вносящая раскол в элиты стран «третьего мира». Наиболее ущемленные (не обязательно в материальном плане) представители этих элит могут подпитывать радикальные антизападные движения, чьим естественным асимметричным ответом на вызов Запада становится террор. Поэтому, полагает В.Л. Кременюк, самая важная функция, которую Соединенные Штаты должны выполнять сегодня на мировой арене, заключается в создании и поддержании перераспределительного механизма, что могло бы позволить направлять осязаемую часть ресурсов богатых государств на пользу беднейшим (с. 14).

Другая точка зрения на определяющую тенденцию мирового развития представлена А.Д. Богатуровым, который видит ее в трансформации механизмов международного регулирования. Данная трансформация происходит на фоне утверждения западной концепции «избирательной легитимности» политических режимов в суверенных государствах. Это вызывает протест и раздражение со стороны правящих в незападных странах элит, большинство из которых ясно сознает, что применяемые ими практики управления далеки от соответствия нормам прозрачности и уважения прав человека, принятым в странах развитой демократии (с. 35). Поэтому - и здесь точка зрения А.Д. Богатурова сближается с позицией В.А. Кременюка — единственной сверхдержаве сегодня противостоит не «мировой интернационал бедных», а, скорее, элиты ряда государств, не согласных с падением своего международного влияния и опасющихся за свою неприкосновенность в условиях размывания суверенитета. По-разному расставляя акценты,

оба исследователя сходятся в главном: Соединенные Штаты своей политикой сами во многом формируют движущие силы международных отношений. Эти силы затем напрямую воздействуют на США, делая международную активность Вашингтона все более затратной, а перспективы сохранения американцами их глобальной лидерской роли - более неопределенными.

Как полагает доктор политических наук Т.А. Шаклеина, за почти 15 лет после распада биполярности Соединенные Штаты свыклись с ролью единственной сверхдержавы и научились извлекать выгоды из своего положения «гегемона-интернационалиста». Решающее значение в этом процессе, по мнению Т.А. Шаклеиной, играет тип лидерского поведения Америки на международной арене. Уход в самоизоляцию как вариант постбиполярной стратегии был американцами отброшен. Однако Соединенные Штаты так и не стали «конструктивным лидером» на международной арене. Вашингтон не пошел на объединение вокруг своей ответственной и «созидательной» политики других важных международных игроков. США, скорее, пытаются стать гегемоном - самым мощным государством, с помощью силы утверждающим свое право на исключительность, стремящимся принудить своих союзников и партнеров к сотрудничеству, чем собственным примером подвигнуть их на вклад в дело укрепления международной безопасности. В последние полтора десятилетия американским администрациям не слишком хорошо удавалось убеждать международное сообщество в том, что внешняя политика США продиктована не только их национальными интересами, но и заботой о благе международного сообщества в целом или хотя бы группы близких союзников и партнеров Вашингтона. В этом смысле единственная сверхдержава за последние 15 лет так и не смогла преодолеть «искушение эгоизмом». А именно это преодоление, по мнению Т.А. Шаклеиной, отличает «гегемона» от «лидера» в международных отношениях.

Склонность к односторонним и силовым действиям, подорвавшая престиж Америки на международной арене, выкристаллизовалась в усиливающуюся тенденцию. В числе ее проявлений - анализируемые на всем протяжении книги недвусмысленные действия трех последних Вашингтонских администраций: реализация проекта противоракетной обороны территории США, отказ от ратификации ряда международных документов (Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, устава Международного уголовного суда и др.), проведенная в одностороннем порядке, наперекор мнению даже ближайших союзников военная кампания в Афганистане. Важным водоразделом в процессе эволюции инструментария американской внешней политики стал отказ администрации Дж. Буша-мл. от жесткого разграничения между дипломатическими и силовыми методами деятельности США на международной арене.

К этому сторонников «жесткой линии» в американском внешнеполитическом истеблишменте, по мнению кандидата исторических наук И.Ю. Жинкиной, подтолкнуло увеличение разрыва между масштабом и качеством военного потенциала США и их союзников. Последние становятся нужны Вашингтону в основном как «поставщики» личного состава вооруженных сил и источник политической поддержки американских операций в Ираке и Афганистане.

Авторы книги сходятся во мнении: американцы сегодня проявляют особое упорство в попытках изменить мир «под себя». Политические круги и общественность США, независимо от партийной принадлежности, разделяют точку зрения о том, что по вопросам национальной безопасности Америки никакой компромисс между Соединенными Штатами и другими представителями международного сообщества попросту невозможен. При этом за эталон принимается абсолютное понимание безопасности Америки: если администрация может сделать что-то для укрепления национальной безопасности, то она обязана предпринять соответствующие меры, невзирая на их последствия для отношений с союзниками, региональной стабильности в различных точках земного шара и т.д.

Именно американское лидерство, а не гегемония, в начале XXI века жизненно необходимо для преодоления накопившихся проблем международного развития. Намечившееся противостояние между культурами христианства и ислама невозможно сгладить без «консенсусных» действий со стороны международного лидера, в руках которого находится достаточно ресурсов для того, чтобы стимулировать умеренность и

взаимную терпимость в отношениях между представителями различных этнических и религиозных групп.

На США лежит глобальная ответственность и за перспективы выхода человечества на путь устойчивого развития. Сегодня, когда темпы истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды превышают потенциал воспроизводства последней, от США требуется такая политика в области охраны окружающей среды, которая могла бы служить примером для других государств, прежде всего - развивающихся. Как самая технологически передовая нация, американцы могли бы активнее искать пути перехода к экономическому развитию, которое не наносило бы невосполнимого ущерба биосфере, вписываясь в рамки ее «несущей емкости». Пока же, по мнению доктора исторических наук В.Д. Писарева, США стремятся «сбрасывать» издержки, связанные с перегрузкой биосферы, на государства, стоящие на более низкой ступени экономического развития (с. 54).

Отказ Америки от разумного самоограничения в попытках встроить мир в собственную концепцию безопасности и национального развития подталкивает различные силы к объединению против США. При этом если бы Вашингтон считал возможным продемонстрировать большую умеренность, многие из ныне враждебно настроенных по отношению к США субъектов не вступали бы в коалиции ради противодействия Америке. Универсальный закон международных отношений гласит, что самый мощный субъект раньше или позже (в зависимости от степени «национального эгоизма» и активности в его утверждении) сталкивается с труднопреодолимым сопротивлением международной среды, которая неизбежно выходит победителем из противостояния с гегемоном. В современном мире наличие компактных боевых средств, обладающих огромной разрушительной силой, помноженное на уязвимость жизненной инфраструктуры развитых государств, дает врагам широчайшие возможности для асимметричных ударов по США и их союзникам, что сводит практически на нет превосходство Соединенных Штатов в сфере высоких технологий, экономической эффективности и традиционной военной мощи.

Соображения подобного рода подталкивают доктора исторических наук, профессора А.И. Уткина к скептическому взгляду на перспективы долгосрочного удержания Соединенными Штатами лидирующих позиций на мировой арене. Международную ситуацию конца 1990-х - начала 2000-х годов он рассматривает с точки зрения трудностей, с которыми сталкиваются США во взаимодействии с внешним миром. Затраты США на реализацию их амбициозных замыслов увеличиваются, а сопротивление международной среды по отношению к действиям американцев возрастает. Так, Вашингтону становится все труднее обеспечивать солидарность своих союзников, среди которых, как полагает А.И. Уткин, «признаки сопротивления (американской. - *М.Т.*) гегемонии проявились довольно отчетливо: Европейский Союз предпочел не прислушиваться к настоятельному совету администрации Буша не создавать 60-тысячные вооруженные силы вне рамок НАТО» (с. 63). Такую оценку разделяют кандидат исторических наук О.В. Приходько и П.Е. Смирнов: «По динамике, масштабности и охвату участников военное строительство в рамках Евросоюза превосходит все, что происходило в европейской интеграции с Римского договора 1957 г. о создании «Общего рынка». Формирование в границах ЕС единого пространства безопасности ведет к снижению роли США как балансира в европейской геополитике» (с. 163).

Предпосылки «императорского перенапряжения» склонна видеть в современной международной стратегии США и кандидат исторических наук Т.В. Оберемко. По ее мнению, первым практическим шагом Вашингтона в принятии на себя обязательств, несоизмерных национальной мощи Соединенных Штатов, стали «балканские кампании» США 1990-х годов, концептуальную основу которых составила доктрина «гуманитарной интервенции», выдвинутая администрацией Клинтона (с. 235). В планировании афганской и иракской операций начала 2000-х годов республиканская администрация Дж. Буша-мл. ориентировалась на опыт Боснии и Косово - пусть даже в условиях изменившихся со времен правления демократов «идеологических движущих сил» американской внешней политики.

Учитывая горькую судьбу предыдущих лидеров-доминантов международной системы, Соединенные Штаты вынуждены искать стратегии сохранения своих лидерских позиций, исключая неизбежно проигрышное прямолинейное столкновение с потенциальными

конкурентами. А.И. Уткин выделяет несколько выходящих за пределы традиционной политики «баланса сил» стратегий, которые сегодня рассматриваются американскими аналитиками (с. 80-85). Среди них - стратегия «координированных действий» Соединенных Штатов с рядом крупных региональных держав. Каждую из этих стран Вашингтону не обязательно склонять к союзничеству, но необходимо убедить в выгодах сотрудничества с США в рамках соответствующей региональной подсистемы. Другой вариант - «содействие глобализации». Эта стратегия предполагает дальнейшую либерализацию международной торговой и финансовой системы с активным привлечением в США наиболее квалифицированных кадров для научной работы и развития передовой американской технологической базы.

Обе эти стратегические возможности, как следует из убедительного анализа кандидата исторических наук С.М. Труша. Соединенные Штаты применяют на рубеже веков в своей политике в Юго-Восточной Азии. Укрепляя союзы с Японией и Тайванем, администрация Дж. Буша-мл. стремилась продемонстрировать Китаю, что его притязания на региональное доминирование будут наталкиваться, на жесткое противодействие Вашингтона. При этом развертываемый американцами ракетный щит грозит обесценить китайский потенциал ядерного сдерживания - краеугольный камень международной политики Пекина (с. 251). С другой стороны, Соединенные Штаты стремятся вовлечь Китай в процессы международного экономического обмена, получая дополнительные рычаги воздействия на внешнеполитическое поведение Пекина. При этом Вашингтон оставляет за собой возможности использования уязвимых мест китайской экономики - таких как недостаточная обеспеченность Китая энергетическими ресурсами.

Значительное внимание в книге уделено российско-американским отношениям. Одним из центральных вопросов, по которым среди авторов развернулась дискуссия, стали перемены во взаимодействии между Вашингтоном и Москвой, после терактов 11 сентября 2001 года.

Кандидат исторических наук В.И. Батюк констатирует, что, хотя Дж. Буш-мл. и его советники в ходе избирательной кампании 2000 г. и в первые месяцы после прихода к власти выступили с рядом жестких заявлений в адрес Москвы, после начала антитеррористической кампании республиканская администрация была вынуждена проявить больше гибкости на российском направлении. Когда Соединенным Штатам потребовалась поддержка России в операции против афганских талибов, в ход пошли приятные для ушей российских лидеров заявления американских официальных лиц. Россия попала в число партнеров США по борьбе с терроризмом, что дало основания ряду наблюдателей говорить о позитивных сдвигах в российско-американских отношениях, которых тщетно ожидали на протяжении предшествующих десяти лет (с. 109-110).

Другие авторы, однако, придерживаются более пессимистических взглядов на устойчивость сложившегося после 11 сентября 2001 г. российско-американского партнерства. Они указывают, что одна только «антитеррористическая повестка дня» не в состоянии «вытянуть» и стабильно удерживать российско-американские отношения на кардинально новом уровне. Все глубоко укорененные противоречия этих, отношений, накапливавшиеся на протяжении последних полутора десятилетий, никуда не исчезли. Для их трансформации требуется принципиально иной уровень вовлечения России в международную политику США, ряд аспектов которой подвергается резкой критике со стороны российского руководства.

Даже проведенный В.И. Батюком оптимистичный анализ свидетельствует, что сотрудничество в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки остается сферой российско-американских (отношений, в которой кооперативное взаимодействие сторон (соглашения об ограничении стратегических потенциалов, совместные проекты развития систем ПРО, содействие утилизации сокращаемых Россией боеприпасов, совместный мониторинг перемещения и использования расщепляющихся материалов, посредничество и урегулирование ряда острых проблем режима нераспространения ОМУ и т.д.) «уравновешивается» конфликтами по таким вопросам, как разворачивание системы противоракетной обороны территории США, сотрудничество в ядерной области между Россией и Ираном и российское военное присутствие в странах СНГ. Интенсивность

потоков экономического обмена между Россией и США остается весьма ограниченной и уж никак не может считаться адекватной американскому потенциалу ведущей экономической и финансовой державы мира. Определенные надежды в этой области в середине первого десятилетия XXI века связываются с увеличением экспорта российской нефти в США, для чего разрабатываются проекты расширения нефтяных поставок через мурманский порт. Тем не менее сохраняющаяся неопределенность в отношениях российской власти с крупным бизнесом; желающим встроиться в мировые воспроизводственные процессы, приводит к затруднениям в развитии данного направления экономического взаимодействия между Россией и США.

Сотрудничество на пространствах Евразии в сдерживании исламского радикализма, подпитывающего международный террор, к концу 2004 г. трансформировалось в конкуренцию между США и Россией за влияние на государства СНГ. Россия с недоверием смотрит на поддержку Соединенными Штатами проамериканских элит, чаще всего противостоящих элитам пророссийским, в таких государствах, как Украина, Грузия или Армения. Есть все основания полагать, что если и когда администрация США примет решение о необходимости существенного расширения американского влияния и присутствия в регионе, соответствующая политика будет проводиться в противовес российскому влиянию и направлена на вытеснение России из региона, как это происходит сейчас в Грузии или Молдавии.

Полемику может также вызвать выдвинутый В.И. Батюком тезис о сближающей роли «идеологического фактора» в российско-американских отношениях. По мнению этого автора, «консервативные элиты, находящиеся у власти в России и США, проще приходят к взаимопониманию друг с другом по таким актуальным для них проблемам, как борьба с международным терроризмом и предотвращение распространения ОМУ, чем со своими европейскими партнерами» (с. 122). Представляется, что «консерватизм» является здесь понятием, вбирающим в себя принципиально различный смысл в применении к США и России. Внутриполитический «консерватизм» российской элиты является, скорее, объектом критики со стороны элиты американской, чем объединяющим США и Россию фактором. А внутриполитический консерватизм администрации Дж. Буша-мл., отличающий ее от демократических лидеров предыдущих восьми лет, оказал, как это показывает Т.А. Шаклеина, лишь незначительное влияние на цели и инструменты политики США в отношении России.

Таким образом, вряд ли можно признать наличие в российско-американских отношениях серьезных позитивных сдвигов, произошедших за последние годы - даже в связи появлением на повестке дня задач борьбы с международным терроризмом. Увеличение значимости России в качестве партнера США было краткосрочным. Как полагает В.А. Кременюк, Россия, в силу, незаконченности реформ, сопротивления американскому влиянию и невозможности полноценного союзничества с США продолжает находиться на периферии международной стратегии США, представляя собой «загадку, умноженную на огромный ядерный потенциал» (с. 25).

С представлением о маргинализации России в списке американских внешнеполитических приоритетов не соглашается А.Д. Богатуров. Он указывает, что наша страна остается важной для Соединенных Штатов в качестве крупнейшего элемента евразийского пространства, которое является основным объектом современной внешней политики США. Например, для Вашингтона имеет большое значение «способность Москвы увеличивать или уменьшать конкурентоспособный силовой, экономический, и иной потенциал КНР» (с. 42). Поэтому американская стратегия в существенной мере зависит от того, будет ли Россия партнером или соперником США. Иными словами, позиция России в отношении целей евразийской стратегии Соединенных Штатов является важным фактором, формирующим международную стратегию США в целом.

В то же время, по мнению А.Д. Богатурина, в данной стратегии стабильно присутствует стремление Вашингтона ослабить государства и международные союзы в сотрудничестве с которыми США заинтересованы по геополитическим, экономическим и прочим соображениям. После такой «размягчающей обработки» региональной среды Соединенным Штатам становится проще встраивать интересующие их страны и институты

в свои международные проекты и ориентировать их на содействие США в достижении целей американской стратегии. Автор называет подобные действия Вашингтона «стратегией перемальвания», но при этом оговаривается, что данная стратегия «не базируется на прямых подрывных действиях, но в ее основе несомненно лежит принцип *индуцирования* центробежных тенденций в потенциально «не согласных» с реконfigurацией Евразии государств. Это не всякий раз прямая поддержка сепаратизма, но неизменно игра на грани таковой» (с. 39).

Созвучную мысль, но в более мягкой форме высказывает доктор исторических наук, профессор Ю.П. Давыдов: «Не создавая проблем в системе взаимоотношений стран СНГ, но, подключаясь к подобным проблемам, США (НАТО) как бы присутствуют в них... США могут... легитимно влиять на способ их разрешения, становясь таким образом важным фактором взаимоотношений России и остальных стран постсоветского пространства». Вместе с тем этот автор не разделяет тревоги А.Д. Богатурова по поводу последствий для России «размягчения» американцами соседних с ней регионов на западе и юге. Ю.П. Давыдов полагает, что «Запад совершенно не обязательно будет выступать в качестве антироссийского фактора (на постсоветском пространстве. *М.Т.*)... По мнению Вашингтона и его союзников... интересы Запада совместимы с интересами России демократической, но они не совместимы с интересами России имперской» (с. 194).

В середине первого десятилетия XXI века благожелательный американист станет утверждать: те, кто думают, что внешняя политика Соединенных Штатов конца 1990-х - начала 2000-х годов завела их в тупик, находится в плену антиамериканских мифов - США не только не перенапрягаются, но даже не задействуют еще сколь-нибудь значительной доли своего потенциала. Искушенный в мировой истории исследователь возразит: еще никому и никогда не удавалось превозмочь непреложный закон международных отношений - гегемон рано или поздно отступает перед противостоящей ему коалицией несогласных. И та, и другая точки зрения нашли свое отражение на страницах рецензируемой монографии.

Отдавая дань обеим позициям, можно без преувеличения сказать: магистральное направление развития международного сообщества сегодня зависит главным образом от того, удастся ли Соединенным Штатам выстроить систему международного регулирования, которая бы удовлетворила или нейтрализовала всех потенциальных соперников Америки. Если такая система не будет создана или окажется неустойчивой, то темп перемен в мировой политике начала XXI века покажется медлительным по сравнению с тем, что ожидает нас впереди.

М.А.ТРОИЦКИЙ,
кандидат политических наук.